

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/26188422/12/5

Аксиология политкорректного дискурса *The Guardian*: *blackfishing* как маркер конфликтогенных ситуаций

Виктория Николаевна Карпухина

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
vkarpuhina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению политкорректного дискурса британского сетевого издания *The Guardian* и непolitкорректного использования в нем лексемы *blackfishing*, а также иных маркеров потенциально конфликтогенных коммуникативных ситуаций. Отмечается аксиологическая релеативность этих маркеров, связанная с ключевыми ценностными установками публицистики эпохи постмодерна. Маркеры конфликтогенных ситуаций выступают в качестве средств языковой игры с потенциальной аудиторией издания.

Ключевые слова: аксиология, *The Guardian*, политкорректный дискурс, постмодерн, конфликтогенный маркер

Для цитирования: Карпухина В. Н. Аксиология политкорректного дискурса *The Guardian*: *blackfishing* как маркер конфликтогенных ситуаций // Вопросы журналистики. 2022. № 12. С. 104–115. doi: 10.17223/26188422/12/5

Original article
doi: 10.17223/26188422/12/5

Axiology of *The Guardian*'s politically correct discourse: *Blackfishing* as a marker of conflict-generating situations

Viktoriya N. Karpukhina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vkarpuhina@yandex.ru

Abstract. The article considers the politically correct discourse of the British online newspaper *The Guardian* and the politically incorrect use of the word *blackfishing* in it, as well as other markers of potentially conflict-generating communicative situations (*Latinx*, etc.). The article suggests the axiological relativity of these con-

conflict-generating markers associated with the key values of postmodern journalism (“anti-basics tendency”, “anti-realism”). These axiological principles are determined by the key ideological component of the newspaper under consideration: the editorial policy of *The Guardian* is focused on the “transparency” of collecting and providing information to the readership. In the communicative situation of a politically correct discourse, this strategic “transparency” is complicated by the use of various methods of language games with the targeted audience of *The Guardian*. Markers of conflict-generating communicative situations, as seen from the analysis, often work as a means of language games with the potential audience of the online newspaper. The situation of the language game is shown in the discussion of the “cosplay” transformation of Instagram models into representatives of the “black race.” The conflict-generating marker in this case is the word of the politically correct discourse *blackfishing* “changing one’s appearance (for a woman) in such a way as to become more similar to ethnically black.” The politically correct discourse does not yet offer an adequate Russian-language equivalent of this word. The study reveals that the politically correct language is also intended to protect vulnerable or historically affected social groups. The conflict-generating communicative situation in one of the articles of *The Guardian* (a double interview of an Anglo-Indian writer and an Anglo-Pakistani writer) is marked with the oppositions *white people – darker-skinned people / people who are not white*. The vulnerability of the second group of people in the traditional British society is not questioned, but is forced through the use of such stylistic figures of speech as metaphor, hyperbole, and irony. Both writers manipulatively use personal pronouns to separate “their” people and “strangers.” The writers interviewed also try to achieve a change in the audience’s assessments with the help of factography and emotional impact on readers. Thus, the ideologically oriented alignment of the “new ethics” in line with feminism, BIPOC, *Black Lives Matter* forces even the critically-minded authors of analytical materials of *The Guardian* to use markers of the politically correct language. In their texts, the main axiological attitudes of the contemporary online media discourse – its “anti-basics tendency” and “anti-realism,” manifested in the conflict-generating communicative situations of political correctness – are implemented using a wide range of manipulative strategies to influence the readership.

Keywords: axiology, *The Guardian*, politically correct discourse, postmodernism, conflict generating marker

For citation: Karpukhina, V. N. (2022) Axiology of *The Guardian*’s politically correct discourse: *blackfishing* as a marker of conflict-generating situations. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 12. pp. 104–115. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/12/5

Лингвоконфликтологический анализ текстов СМИ предполагает рассмотрение феномена политкорректности в современном сетевом медиадискурсе. Сетевые СМИ, функционирующие в парадигме пост-

модерна, отличаются достаточно релятивной аксиологической шкалой. К ценностным установкам парадигмы постмодерна, зачастую конфликтогенным, могут быть отнесены «антиосновность» и «антиреализм». При осуществлении дискурсивных практик постмодернистского медиадискурса мы наблюдаем следующее: «Во-первых, отказ от считающихся естественными, неперенными и универсальными основ, или корней. Во-вторых, отказ от реализма, в частности, от тезиса о том, что язык при правильном его использовании способен рассказать правду о реальности» [1. С. 32].

При реализации этих аксиологических установок современного сетевого медиадискурса авторы текстов СМИ зачастую идут на сознательное нарушение традиционных этических и эстетических критериев качества текста [2–4]. Такого рода нарушение лингвоэкологического баланса медиадискурса направлено, как представляется, на формирование новых, более демократичных норм речи, на признание новой этики медиадискурса (ср. идею Ж.-Ф. Лиотара о том, что постмодерн – это все, что в модерне является самым раздражающим, что отвергает все традиции хорошего вкуса [5]).

Дискурсивные стратегии журналистов одной из ведущих британских газет *The Guardian* во многом определяются ключевой идеологической составляющей: это леволиберальная газета, ориентирующаяся на прозрачность сбора и предоставления информации читательской аудитории. В коммуникативной ситуации политически корректного дискурса эта стратегическая прозрачность осложняется за счет использования разнообразных приемов языковой игры с потенциальным читателем, таргетированной аудиторией сетевого издания *The Guardian* [4. С. 281]. Разнообразные маркеры ситуаций политкорректности могут быть оценены как конфликтогенные / неконфликтогенные текстовые единицы.

Лингвистическая конфликтология определяется как «направление коммуникативной лингвистики, изучающее проблемы некооперативного, конфликтного общения» [6. С. 279; 7, 8]. Е. С. Кара-Мурза размышляет: «Что касается медиаконфликтов, то формально они являются речевыми, сущностно – коммуникативными, а содержательно – конфликтами интересов, ценностей и норм. ...Объект лингвистической конфликтологии формируют коммуникативные конфликты» [9. С. 21].

В качестве точек зарождения конфликта в современном сетевом медиадискурсе часто выступают ситуации политкорректного / непо-

литкорректного использования языка. С. Г. Тер-Минасова считает, что «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и / или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [10. С. 215]. Исследователь, определяя возможности использования языка в рамках политически корректного дискурса, считает, что зарождение тенденции к политкорректному функционированию языка в многонациональном и поликультурном американском обществе было абсолютно не случайным. Это связано, с одной стороны, с использованием английского языка в Америке в качестве коммуникативного инструмента для общения представителей разных народов и рас. С другой стороны, культ индивидуализма стал здесь центральной составляющей идеологии, и политически корректный язык – одно из средств ее воплощения.

Профессор Дэн Моллер из Университета Мэриленда с достаточной долей скептицизма оценивает адекватность использования политкорректного языка в публичном дискурсе: «Политическая корректность, как я ее понимаю, – это попытка установить нормы речи (или иногда поведения), которые, как считается, (а) защищают уязвимые, маргинализированные или исторически пострадавшие группы, и которые (б) функционируют путем формирования публичного дискурса, часто путем подавления речи или других форм социальной сигнализации, и которые (в) должны избегать оскорблений и возмущения, пониженного чувства собственного достоинства или иного оскорбления чувств таких групп или их союзников. Мы должны отметить, что эта концепция используется ее врагами» [11].

Профессор Питер Викстрем из Карлштадского университета еще более резок в оценке современного политкорректного языка: «Называть кого-то другого политкорректным – значит подвергать сомнению законность их ценностей, оспаривать их честность или обвинять их в интеллектуальной нечестности. Или так мы можем предположить» [12].

Именно в британской и американской лингвокультурах в 1970–1980-х гг. наблюдается наиболее активный интерес к использованию того идеологического инструмента манипулирования целевой аудиторией, который позднее назовут «политически корректным языком» [13–16]).

Политически корректный дискурс изначально в качестве жанровых разновидностей включал подтипы медийного дискурса и был ориентирован, скорее, на публицистические тексты. Однако в конце XX – начале XXI в. его специфический язык (так называемые дискурсивные формулы) и его сюжеты начинают проникать в смежные по семиотическим функциям с медийными текстами кинематографические тексты [17. С. 139–169; 18]) и в тексты художественной литературы. Зачастую это происходит под влиянием установок феминизма, ВІРОС (*Black, Indigenous and People of Color*).

Исследователи справедливо полагают, что в русской лингвокультуре политкорректный дискурс практически не функционирует [10. С. 223]. Функционирование же политически корректного дискурса в англоязычном мире на сегодняшний день чаще предстает объектом иронических или саркастических пародий на использование его дискурсивных формул или манипулятивных стратегий: «Политическая корректность как направление развития языка вызывала много вопросов, критики, сомнений. Бесспорно, что в живом языке все попытки создать стилистически нейтральные “заповедники” разбиваются о способность слов приобретать в новых условиях новые коннотации, часто негативные» [10. С. 222].

Политкорректный дискурс британского леволиберального сетевого издания *The Guardian* предполагает обозначение большого количества конфликтогенных точек развития коммуникативных процессов в современном обществе. В некоторых случаях эти потенциально конфликтогенные триггеры даются в ситуациях языковой игры с читателем, в некоторых случаях поданы в ситуациях идеологического манипулирования аудиторией.

Ситуация языковой игры задействована, например, в обсуждении косплейного превращения Инстаграм¹-моделей в представительниц черной расы: «*In the picture, she is standing in her trademark pose. Her hips are wide and her waist is so narrow it looks like an optical illusion. Her skin is brown, her lips are full and her wavy black hair is in cornrow braids, a popular afro hairstyle. She is the picture of a confident and beautiful young black woman. **The only problem is, Aga is not a black woman.** She was born in Poland and would become one of the many white influ-*

¹ Деятельность *Instagram* признана экстремистской российским судом и запрещена на территории Российской Федерации.

encers accused of “blackfishing”» [19]¹. Конфликтогенным маркером в данном случае выступает лексема политкорректного дискурса *blackfishing* – изменение своей внешности (для женщины) таким образом, чтобы стать более похожей на этнически чернокожих. Адекватного русскоязычного аналога данной лексемы политкорректный дискурс пока не предлагает. Условный эквивалент «черная охота» представляется нам не слишком удачным с семантической и прагматической точек зрения.

В своей аналитической статье, стратегически направленной на выявление причин популярности «псевдо-профессии» инфлюэнсеров, обозреватель *The Guardian* Симеон Браун дает экспертный комментарий и исторический экскурс, связанный с конфликтной коммуникативной ситуацией *blackfishing*. Вспоминая свои школьные годы в Тоттенхэме, он показывает отправную точку аксиологической шкалы, характерной для социального восприятия преуспевающего представителя чернокожего населения в 2003 г.: *«I was a 14-year-old schoolboy when the rapper 50 Cent released Get Rich or Die Tryin’. <...> Curtis Jackson may have been born black and poor in New York, but as 50 Cent, he was now worth \$30m»* [19]². Рассматривая природу и последствия конфликтогенной ситуации *blackfishing*, аналитик Симеон Браун предлагает свое объяснение данного коммуникативного конфликта: *«Aga is part of a generation that has only known a world in which the internet is supreme and the dominant aesthetic in youth culture is hip-hop. The genre’s music and fashion dictate not only what and who is desirable, but also the part you can play in its billion-dollar industries and the clothing companies attaching themselves to it for clout. To be shapeless and pale with narrow European features has little currency in the part of the internet where a Fashion Nova ambassador gig makes you a VIP. Today,*

¹ «На снимке она стоит в своей фирменной позе. У нее широкие бедра, а талия такая узкая, что это похоже на оптическую иллюзию. У нее смуглая кожа, полные губы, а волнистые черные волосы заплетены в косички – популярная прическа афро. Она – образ уверенной в себе и красивой молодой чернокожей женщины. Единственная проблема в том, что Ага не чернокожая женщина. Она родилась в Польше и стала одной из многих влиятельных белых людей, обвиняемых в “blackfishing”».

² «Я был 14-летним школьником, когда рэпер 50 Cent выпустил альбом “Разбогатеи или умри, пытаясь”. <...> Кертис Джексон, возможно, родился чернокожим и бедным в Нью-Йорке, но, будучи 50 Cent, сейчас он стоит 30 миллионов долларов».

many young white women in their teens and early 20s are conforming to this standard by contouring, and **their racial transformation has an economic incentive, too: this cosplay actually pays**. The ethics and politics of beauty trends are rarely discussed in a world where influencers happily sell their following to the highest bidder» [19]¹. Обозреватель *The Guardian* скептически рассуждает о современных тенденциях «псевдо-профессии» инфлюэнсера, однако сам в большинстве случаев придерживается политкорректного языка медиадискурса. В частности, он негативно отзывается о практике *blackfishing*, по сути, критикуя антиреализм постмодернистских социальных сетей, но, с другой стороны, он сам использует феминистически политкорректную номинацию *Latinx* (гендерно нейтральное именование вместо *Latino / Latina* испаноговорящих жителей англоязычных стран): «It even gave the African American and **Latinx** entertainers who now dominate US pop culture their own Fashion Nova lines» [19]².

Политически корректный язык призван защищать «уязвимые, маргинализованные или исторически пострадавшие группы» [11]. Пригласив для двойного интервью англо-индийского писателя Панкаджа Мишру и англо-пакистанскую писательницу Камилу Шамси, *The Guardian* изначально задает конфликтогенную ситуацию столкновения разных наций и религий с помощью заголовка интервью: «It felt horrific to be in Britain as a Muslim after 9/11» («Мусульманину в Британии после 11 сентября жить просто ужасно») [20]. Два популярных

¹ «Ага принадлежит к поколению, которое знало только мир, в котором доминирует интернет, а доминирующей эстетикой в молодежной культуре является хип-хоп. Музыка и мода этого жанра диктуют не только то, что и кто желателен, но и ту роль, которую вы можете сыграть в его индустрии стоимостью в миллиарды долларов, и компании по производству одежды, которые присоединяются к нему ради влияния на потребителей. **Быть бесформенным и бледным с узкими европейскими чертами лица имеет мало значения в той части интернета, где ваша жизнь в качестве амбассадора Fashion Nova делает вас VIP-персоной.** Сегодня многие молодые белые женщины в 14–20 лет соответствуют этому стандарту путем добавления контрастности своей внешности, и их расовая трансформация также имеет экономический стимул: этот косплей действительно окупается. Этика и политика тенденций красоты редко обсуждаются в мире, где инфлюэнсеры с радостью продают своих подписчиков тому, кто больше заплатит».

² «Это даже дало афроамериканским и латиноамериканским исполнителям, которые сейчас доминируют в американской поп-культуре, возможность создать свои собственные модные линии».

британских писателя небританского происхождения обсуждают в своей беседе проблемы национальной идентичности и «культурных войн». Конфликтогенная точка возникает при необходимости определить свою национальную и культурную идентичность в рамках принимающей британской культуры. Панкадж Мишра размышляет с горечью: «*Here you are in the UK and being upheld as a representative of darker-skinned peoples or a representative of Asian literature and religion, any number of things. But the fact is that we belong to privileged classes and caste groups. And that is not evident to people here*» [20]¹. Мишре вторит Камила Шамси: «*I think what can happen here is there's a curious flattening when people talk about people who are not white, or are minorities, as though these class differences don't exist, and as though some of us don't step into London with huge privilege*» [20]².

Конфликтогенная коммуникативная ситуация маркируется с помощью оппозиций *white people – darker-skinned peoples / people who are not white*. Уязвимость второй группы людей в традиционном британском социуме не ставится под сомнение, а всячески нагнетается: «*You're called a polemicist; that's a word that's often trailed me*» («Вас называют **полемизирующим**; это слово, которое часто **преследует** меня»); «*That was a traumatic event for many of us*» («Это **травматичное событие** для многих из нас»); «*And it was quite striking to me that it's no longer writing against the junta in Argentina or apartheid in South Africa. Now it is Britain and America that are seen as the countries where there are laws that are inhuman*» («И меня поразило, что больше не нужно ничего писать против хунты в Аргентине или апартеида в Южной Африке. Теперь именно Британия и Америка рассматриваются как **страны, где действуют бесчеловечные законы**») [20].

Термины политкорректного дискурса, которые используют и англо-индийский писатель, и англо-пакистанская писательница, отмечают иные конфликтогенные точки для «исторически пострадавших

¹ «Вы находитесь в Великобритании, и вас поддерживают как **представителя темнокожих народов или представителя азиатской литературы и религии**, чего угодно. Но дело в том, что мы принадлежим к привилегированным классам и кастовым группам. И это не очевидно для здешних людей».

² «Я думаю, что здесь может произойти **любопытное сглаживание**, когда люди говорят о **людях, которые не являются белыми или являются меньшинствами**, как будто этих классовых различий не существует и как будто некоторые из нас не приезжают в Лондон, имея огромные привилегии».

групп» мультинациональных людей: это, прежде всего, *Islamophobia* (исламофобия), *the culture war* («культурная война»), *cancel culture* («культура отмены», остракизм). Оба писателя манипулятивно используют личные местоимения для разделения «своих» и «чужих»: «*That was a traumatic event for many of us*» («Это травматичное событие для многих из нас»). Объединяя себя и Камилу Шамси в единое «незащищенное целое», Панкадж Мишра включает в группу «своих» и читающую аудиторию (*for many of us* – «для многих из нас»), пытаясь добиться смены оценок аудитории с помощью фактографии и эмоционального воздействия на читателей. В подобной ситуации британские СМИ обвиняются, по сути, в политкорректности в том смысле, в каком ее понимает Питер Викстрем [12].

Таким образом, идеологически ориентированное выстраивание «новой этики» в русле феминизма, ВІРОС, *Black Lives Matter* заставляет даже критически настроенных авторов аналитических материалов сетевого издания *The Guardian* использовать маркеры политкорректного языка. В их текстах основные аксиологические установки современного сетевого медиадискурса – его «антиосновность» и «антиреализм», проявляющиеся в конфликтогенных коммуникативных ситуациях политкорректности, – реализуются при использовании широкого спектра манипулятивных стратегий воздействия на читательскую аудиторию. Те же авторы или гости *The Guardian*, которые связывают проблемы национально-культурной идентичности англоязычных стран с принципиально антиреалистической тенденцией к *black-fishing* или включенности в трансрасовый дискурс, активно формируют новые идеологические клише и дискурсивные формулы политкорректного дискурса, работающие на создание релятивной аксиологической шкалы современной читательской аудитории.

Список источников

1. Харп К. Постмодернизм. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
2. Копнина Г. А., Сквородников А.П. Риторический канон в свете современной лингвистики // Риторика. Лингвистика. 2016. № 12. С. 37–47.
3. Дускаева Л. Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. 2019. № 6 (1). С. 4–18. doi: 10.21638/spbu22.2019.101
4. Карпухина В. Н. Конфликтогенные коммуникативные ситуации в сетевом медиадискурсе: политкорректный дискурс «The Guardian» // Медиалингвистика : материалы VI Международной научной конференции / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб., 2022. С. 280–284.

5. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Translation from the French by Geoff Bennington and Brian Massumi. Foreword by Fredric Jameson. Minneapolis : The University of Minnesota, 1984.

6. Голев Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология // Эффективное общение (базовые компетенции) : слов.-справ. / под ред. А. П. Сквородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 279–280.

7. Речевая конфликтология : учеб. пособие / отв. ред. М. Я. Дымарский. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 215 с.

8. Кишина Е. В. Основы лингвоконфликтологии : учеб. пособие. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2017. 150 с.

9. Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиа-пространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 18–27.

10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово/Slovo, 2000. 624 с.

11. Moller D. Dilemmas of Political Correctness // Journal of Practical Ethics. 2016. Vol. 4, Is. 1. URL: <http://philarchive.org/archive/MOLDOP>.

12. Wikström P. No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in Twitter conversations // Nordic Journal of English Studies. 2016. № 15 (2). P. 159–170.

13. Lakoff R. Language and Women’s Place. N.Y. : Harper & Row, 1975. 83 p.

14. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York ; London : Routledge, 1990. 256 p.

15. Segel E. “As the Twig Is Bent...”: Gender and Childhood Reading // Children’s Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. London, New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2006. P. 187–207.

16. Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language // Bulletin of Kemerovo State University. 2017. № 3. P. 180–186. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-180-186>

17. Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / под общ. ред. Е. С. Гриценко. М. : Флинта, 2016. 223 с.

18. Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М. : Дискурс, 2019. 524 с.

19. Brown S. Hustle and hype: the truth about the influencer economy // The Guardian. 24 February 2022. URL: https://www.theguardian.com/fashion/2022/feb/24/hustle-and-hype-the-truth-about-the-influencer-economy?utm_term=6219fa24bac30d42d97aba23dc318e52&utm_campaign=TheLongRead&utm_source=esp&utm_medium=Email&CMP=longread_email.

20. Clark A. ‘It felt horrific to be in Britain as a Muslim after 9/11’: Pankaj Mishra and Kamila Shamsie in conversation // The Guardian. 19 February 2022. URL:

https://www.theguardian.com/books/2022/feb/19/it-felt-horrific-to-be-in-britain-as-a-muslim-after-911-pankaj-mishra-and-kamila-shamsie-in-conversation?utm_term=6211f5039bd9ae8f4fb55f8418a3f8ee&utm_campaign=Bookmarks&utm_source=esp&utm_medium=Email&CMP=bookmarks_email (accessed September, 7, 2022).

References

1. Hart, K. (2006) *Postmodernism*. Moscow: FAIR-PRESS. (In Russian).
2. Kopnina, G.A. & Skovorodnikov, A.P. (2016) Rhetorical Canon in the Light of Modern Linguistics. *Ritorika. Lingvistika*. 12. pp. 37–47. (In Russian).
3. Duskaeva, L.R. (2019) Vectors of praxeological analysis in media linguistics. *Medialingvistika*. 6 (1). pp. 4–18. (In Russian). doi: 10.21638/spbu22.2019.101
4. Karpukhina, V.N. (2022) [Conflict-generating communicative situations in the network media discourse: The politically correct discourse of The Guardian]. *Medialingvistika* [Medialinguistics]. Proceedings of VI International Conference. St. Petersburg. pp. 280–284. (In Russian).
5. Lyotard, J.-F. (1984) *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Translation from French by Geoff Bennington and Brian Massumi. Foreword by Fredric Jameson. Minneapolis: The University of Minnesota.
6. Golev, N.D. & Obelyunas, N.V. (2014) Lingvokonfliktologiya [Linguistic conflictology]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Effektivnoe obshchenie (bazovye kompetentsii) : slov.-sprav.* [Effective communication (basic competencies): Reference dictionary]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 279–280.
7. Dymarskiy, M.Ya. (ed.) (2008) *Rechevaya konfliktologiya: ucheb. posobie* [Speech conflictology: Textbook]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
8. Kishina, E.V. (2017) *Osnovy lingvokonfliktologii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of linguistic conflictology: Textbook]. Kemerovo: Kemerovo State University.
9. Kara-Murza, E.S. (2020) Linguoconflictology and Conflicts in Russian Media (Analysis of Double Case). *Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 19 (1). pp. 18–27.
10. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.
11. Moller, D. (2016) Dilemmas of Political Correctness. *Journal of Practical Ethics*. 4 (1). [Online] Available from: <http://philarchive.org/archive/MOLDOP>.
12. Wikström, P. (2016) No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in Twitter conversations. *Nordic Journal of English Studies*. 15 (2). pp. 159–170.
13. Lakoff, R. (1975) *Language and Women's Place*. N.Y.: Harper & Row.
14. Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y., London: Routledge.

15. Segel, E. (2006) "As the Twig Is Bent ...": Gender and Childhood Reading. In: Hunt, P. (ed.) *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*. Vol. 3: Cultural Contexts. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group. pp. 187–207.
16. Karpukhina, T.P. & Kuznetsova, N.V. (2017) The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language. *Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 180–186. doi: 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186
17. Gritsenko, E.S. (ed.) (2016) *Gender v britanskoy i amerikanskoy lingvokul'turakh* [Gender in British and American linguistic cultures]. Moscow: Flinta.
18. Karasik, V.I. (2019) *Yazykovye mosty ponimaniya* [Language bridges of understanding]. Moscow: Diskurs.
19. Brown, S. (2022) Hustle and hype: the truth about the influencer economy. *The Guardian*. 24 February 2022. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/fashion/2022/feb/24/hustle-and-hype-the-truth-about-the-influencer-economy?utm_term=6219fa24bac30d42d97aba23dc318e52&utm_campaign=TheLongRead&utm_source=esp&utm_medium=Email&CMP=longread_email
20. Clark, A. (2022) 'It felt horrific to be in Britain as a Muslim after 9/11': Pankaj Mishra and Kamila Shamsie in conversation. *The Guardian*. 19 February 2022. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/books/2022/feb/19/it-felt-horrific-to-be-in-britain-as-a-muslim-after-911-pankaj-mishra-and-kamila-shamsie-in-conversation?utm_term=6211f5039bd9ae8f4fb55f8418a3f8ee&utm_campaign=Bookmarks&utm_source=esp&utm_medium=Email&CMP=bookmarks_email (Accessed: 7 September 2022).

Информация об авторе:

Карпухина В. Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V. N. Karpukhina, Dr. Sci. (Philology), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.09.2022;
одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 13.12.2022.*

*The article was submitted 14.09.2022;
approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 13.12.2022.*